

И. Е. Суриков

«НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ» ГЕРОДОТ

(Эпический прозаик между логографами и Фукидидом)

Михаила Леоновича Гаспарова как ученого отличали такие черты, как поразительная широта и разносторонность исследовательских интересов, а также редкостная научная интуиция, позволявшая ему делать тонкие и глубокие наблюдения даже по таким сюжетам, которыми он специально не занимался. Так, Геродот, в общем-то, не входил в круг предметов, которым Михаил Леонович уделял постоянное и углубленное внимание. И тем не менее одной из самых интересных работ в современной отечественной историографии об этом древнегреческом авторе является статья М.Л. Гаспарова «Неполнота и симметрия в “Истории” Геродота»¹. Наши размышления над идеями, высказанными в упомянутой статье, стали отправной точкой для написания данной краткой заметки. В ней мы попытаемся сформулировать некоторые характеристики, свойственные, на наш взгляд, творчеству «отца истории».

М.Л. Гаспаров развил достаточно популярный в исследовательской литературе тезис, согласно которому в труде Геродота очень важное место занимает так называемая фронтовая композиция, т.е. движение сюжета вначале «по нарастающей», от завязки к кульминации, а затем от кульминации («вершины фронтона») к развязке «по убывающей»². Но если ранее этот концепт, как правило, применялся в изучении отдельных геродотовских логосов, то М.Л. Гаспарову впервые – и весьма доказательно – удалось продемонстрировать, что и в целом «История» была построена именно по принципу фронтовой композиции. А уже из этого последовал еще один исключительно важный и принципиальный вывод: труд Геродота не был окончен автором.

На этом нюансе следует остановиться чуть подробнее. Если по поводу того факта, что «История» Фукидида осталась незавершенной, кажется, разногласий нет³, то относительно «Истории» Геродота в антиковедении преобладает иное мнение. Обычно считается, что это сочинение появилось из-под пера автора именно в том виде, в каком оно было задумано, целиком и полностью⁴. Это порождает определенные проблемы: ведь легко заметить, что труд Геродота внешне обрывается едва ли не на полуслове. Последнее, что мы в нем находим, – это рассказ о взятии Сеста греческим флотом под командованием Ксантиппа в 479/478 г. до н.э.⁵ и коротенький логос о Кире и персе Артембаре (Herod. IX. 122). Предполагается, что Геродот исчерпал свою задачу, полностью рассказав о периоде военных действий между греками и персами, начатом походом Ксеркса, и что для него на этом периоде заканчивались Греко-персидские войны в целом.

¹ Опубликована в кн.: *Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М., 1997. С. 483–489.*

² Наиболее подробно, даже с диаграммами, этот тезис развит в известной монографии: *Myres J.L. Herodotus, Father of History. Oxf., 1953.*

³ См. одно из последних по времени детальных обоснований этого тезиса в кн.: *Will W. Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 321 ff.*

⁴ *Myres. Op. cit. P. 299.*

⁵ К вопросу о датировке события см. *Суриков И.Е. Ксантипп, отец Перикла: штрихи к политической биографии // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск, 2000. Вып. 8. С. 106.*

Но так ли это? М.Л. Гаспаров показал, что произведение «отца истории» по построению сюжета являет собой один грандиозный «фронтон», в качестве «вершины» которого, кульминации повествования выступает битва при Саламине. До нее – одно «крыло фронтона», включающее завязку (возникновение Персидской державы) и движение сюжета по нарастающей (рассказ о персидских завоеваниях, в который инкорпорирован очень пространственный египетский логос, – Ионийское восстание – Марафон – Фермопилы и Артемисий). По логике фронтонной композиции после кульминации должно следовать второе «крыло фронтона», приблизительно соразмерное с первым. В действительности же мы обнаруживаем, что это «второе крыло» оказывается каким-то уж слишком коротким; симметрия очевидным образом нарушена. Сразу после битв при Платеях и Микале (которые уравнивают на другом «крыле фронтона» соответственно битвы при Фермопилах и Артемисии) труд завершается. А значит – все-таки обрывается, поскольку невозможно допустить, чтобы Геродот, блестящий мастер композиции, в данном случае проявил столь грубое незнание ее основных законов.

«История», несомненно, должна была быть продолжена автором. В полном варианте в нее обязательно вошли бы такие события, как сражение при Евримедонте (соответствующее Марафонской битве на противоположном «крыле»⁶), египетская экспедиция афинян (этот второй «египетский логос» уравнивал бы первый, помещенный ближе к началу труда). А конечным пунктом повествования, скорее всего, стал бы Каллиев мир 449 г. до н.э., иными словами, Греко-персидские войны были бы доведены до своего истинного окончания.

Таковы взгляды М.Л. Гаспарова, с которыми мы, со своей стороны, полностью солидаризируемся. Как представляется, эти наблюдения во многом помогают пролить свет на ряд общих вопросов творчества Геродота, поныне остающихся нерешенными или дискуссионными. Одним из таких вопросов является эволюция структуры «Истории» по мере работы автора над нею. Этот вопрос тесно связан с проблемой жанровой принадлежности произведения.

В труде Геродота мы имеем, с одной стороны, основной сюжет – войны между греками и персами от самого начала их противостояния. Но, с другой стороны, эта главная тема повествования постоянно перебивается многочисленными отступлениями – логосами самого разнообразного характера: этнографического, географического, культурного, религиозного... Все это, судя по всему, представлялось Геродоту не менее интересным, чем военно-политическая история⁷.

В каком отношении между собой находятся эти два важнейших структурных элемента труда? За каким из них следует признать хронологический приоритет? По этому предмету есть две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, вначале Геродот писал отдельные логосы, разрозненные и не связанные друг с другом. Затем, когда у него возникло намерение дать историю Греко-персидских войн, он инкорпорировал ранее написанные логосы в свой новый, обширный труд⁸.

⁶ Тем более, что появлялась великолепная возможность для связующей параллели: победитель при Евримедонте Кимон был сыном марафонского победителя Мильтиада.

⁷ Ср. *Hart J. Herodotus and Greek History. L., 1984. P. 179.*

⁸ Эту точку зрения развивал такой маститый специалист по Геродоту, как Дж. Майрс (Op. cit.).

Есть и иное мнение: Геродот изначально задумал свою «Историю» как единое целое, как произведение, соединенное сквозной сюжетной нитью. В это грандиозное единство вместился самый неоднородный материал, почерпнутый автором как из своего личного опыта, так и из предшествующей богатой (в основном устной) традиции, но весь этот материал подчинен одной большой цели⁹.

Сделать однозначный выбор между двумя обозначенными позициями очень нелегко. Возможно, перед нами вопрос из категории тех, которые никогда не будут решены. Во всяком случае, любой ответ на него может носить только предположительный характер. Однако нам кажется, что соображения М.Л. Гаспарова о симметричной фронтонной композиции в какой-то степени работают на вторую из двух гипотез.

Во-первых, уже сам факт наличия такой единой композиции, в рамках которой оказались органично слиты разнохарактерные элементы, говорит об изначально существовавшем, хорошо продуманном авторском замысле (другое дело, что он остался не реализованным до конца). Во-вторых, можно подключить к аргументации некоторые хронологические детали. Геродот умер, насколько можно судить, в 420-х годах до н.э. (он еще застал первые – но только первые – годы Пелопоннесской войны¹⁰). При этом закончить свой труд он не успел, а следовательно, работал над ним до конца жизни. С другой стороны, известно, что уже около 445 г. до н.э. историк публично читал какие-то части своего труда в Афинах, за что получил крупную денежную награду¹¹. Да и в целом в это время пришелец из Галикарнасса был уже известным в афинском полисе человеком. С ним дружил Софокл¹², игравший весьма значительную роль не только в культурной, но и в общественной жизни¹³; весьма вероятно, что и в Фурии Геродот отправился по личному приглашению Перикла, при этом вряд ли «отец истории» был просто одним из массы рядовых колонистов.

Что читал Геродот в Афинах? Не думаем, чтобы это были какие-то этнографические или географические логосы. Историк наверняка выбрал для обнаружения перед афинской аудиторией такие тексты, которые имели бы ярко выраженное политическое звучание и к тому же оказались бы приятными для афинян (ср. *Plut. Mor.* 862ab): об этом свидетельствует уже тот факт, что он удостоился награды. Иными словами, практически несомненно, что он читал фрагменты, повествовавшие о Греко-персидских войнах: ведь именно эти части его труда полны прославлением Афин. А это означает, что к середине 440-х годов до н.э. «История» Геродота – именно как история Греко-персидских войн – была уже не только задумана, но частично уже и написана: на протяжении какого-

⁹ Кузнецова Т.И., Миллер Т.В. Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 37.

¹⁰ Есть мнение, что он слышал – лично или в чьей-то передаче – знаменитую надгробную речь Перикла, произнесенную в 431 г. до н.э., и что в истории есть реминисценция этой речи (*Herod.* VII. 162). См. Hart. Op. cit. P. 174.

¹¹ Лурье С.Я. Геродот. М.–Л., 1947. С. 18 слл.; *Lister R.P.* The Travels of Herodotus. L., 1979. P. 161 ff.

¹² *Egermann F.* Herodot – Sophokles. Hohe Arete // *Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung.* München, 1962. S. 249–255; Суриков И.Е. Клио на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 90.

¹³ Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 265 слл.

то количества лет до 445 г. автор трудился над этим сочинением. А в то же время к 420-м годам до н.э. оно еще не было доведено до финала. Следовательно, работал Геродот медленно (это ни в коей мере не должно прозвучать упреком ему: не будем забывать, что он шел непроторенным путем, открывал своим творчеством новый жанр в античной и мировой литературе).

Писал ли Геродот что-либо до того, как начал «Историю»? Были ли в этот ранний период его жизни созданы крупные логосы о различных странах и народах? Как видим, это оказывается маловероятным¹⁴. Разве что предположить, что в юности он работал чрезвычайно интенсивно и быстро, а вступив в пору акме, вдруг утратил это качество. Итак, несколько более вероятным представляется следующий ход событий. Геродот уже в молодости, будучи под впечатлением Греко-персидских войн, задумал написать их историю. Именно это намерение, а не просто досужее любопытство руководило им, когда он путешествовал, собирал материал и т.п. И принявшись за написание труда, он тут и там вплетал в его ткань те или иные фрагменты этого собранного им материала, поскольку они представлялись ему (как ныне представляются нам) весьма интересными сами по себе.

Как бы то ни было, в результате произведение «отца истории», при всей стройности его композиции, оказалось открытой текстовой структурой¹⁵. Оно является таковой в первую очередь именно благодаря многочисленным отступлениям. Автор щедро делится с читателями самыми разнообразными сведениями, сплошь и рядом отклоняется от основного предмета своего интереса – Греко-персидских войн, – чтобы дать обширные экскурсы на самые неожиданные темы: то о переселениях эллинских племен много веков назад, то о становлении царской власти в далекой Мидии, то о нравах скифов, то о разливах Нила, то о каких-нибудь муравьях величиной с собаку, стерегущих индийское золото...

Не может не броситься в глаза резкий контраст с «Историей» Фукидида, которая в этом отношении представляет собой полную противоположность, закрытую текстовую структуру: ее автор строго придерживается одного сюжета – предпосылок, начала, хода Пелопоннесской войны. Нельзя сказать, что у Фукидида совсем нет экскурсов. Но они немногочисленны, обычно кратки, а главное – всегда концептуально и композиционно мотивированы¹⁶.

---

¹⁴ В нескольких местах «Истории» Геродот ссылается (причем, обратим внимание, в будущем времени) на какие-то свои ассирийские логосы. См. *Herod.* I. 184: ἐν τοῖσι Ἀσσυρίοισι λόγοισι μνημῆν ποιήσομαι; ср. также *ibid.* I. 106: ἐν ἑτέροισι λόγοισι δηλώσω. Обычно данный факт используют как доказательство того тезиса, что у Геродота были, помимо «Истории», еще какие-то (более ранние) произведения. Но почему же тогда будущее, а не прошедшее время? Если же принять точку зрения о незавершенности «Истории», то все становится на свои места. Геродот планировал включить свой труд подробный рассказ об Ассирии, но не успел сделать это. Очевидно, ассирийский логос должен был находиться где-то в конце труда; в рамках симметричной фронтовой композиции он уравновешивал бы лидийский и мидийский логосы в первой книге «Истории». Кстати, именно в первой книге содержится отсылка к ассирийскому логосу: одно «крыло фронтона» как бы перекликается с другим.

¹⁵ Ср. *Hart. Op. cit.* P. 177.

¹⁶ Для Фукидида характерны скорее не экскурсы, а пропуски (ср. *Hanson V.D. Introduction // The Landmark Thucydides. A Comprehensive Guide to the Peloponnesian War.* N.Y., 1996. P. XXII).

Как ни парадоксально, труд Геродота по обилию отступлений стоит ближе к произведениям совсем иного литературного жанра – эпоса. Эпические поэмы тоже принципиально не замкнуты, они имели тенденцию к постоянному разрастанию, причем как «вовне», так и «внутри себя» – посредством вставок, делавшихся новыми и новыми поколениями аэдов¹⁷. «История» Геродота имеет черты принципиального сходства с эпосом и по ряду других параметров, таких, как представления о времени и пространстве¹⁸, отношение к предшествующей традиции¹⁹, общий оптимизм мироощущения²⁰. Не случайно это произведение нередко – и совершенно справедливо – относят к категории «эпической историографии»²¹. Специально хотелось бы подчеркнуть, что это не просто красивая метафора, а существеннейшая черта. Совершенно справедливо пишет один из крупнейших в современной мировой историографии знатоков Геродота – Франсуа Артог: «Геродот хотел соперничать с Гомером и, завершив “Историю”, стал Геродотом... Геродот черпал силу или дерзость для того, чтобы начать, в эпосе». Геродот и Гомер, в сущности, и работали в чрезвычайно схожей манере. Как последний нарисовал впечатляющую картину Троянской войны на основе разрозненных героических песен своих предшественников – аэдов, инкорпорируя эти песни в собственное повествование, так и у «отца истории» мы постоянно находим инкорпорируемые в труд логосы, в значительной мере взятые из предшествующей традиции.

Главным отличием сочинения Геродота от эпических поэм является то, что оно написано в прозе. Возникновение прозы в Греции приблизительно в середине VI в. до н.э. имело огромное историко-культурное значение²². Проза открывала новые возможности, но в то же время необходимость овладения ею порождала новые, ранее неизвестные трудности и проблемы. Проблемы эти решались

¹⁷ Гомеровские «Илиада» и «Одиссея» обрели свою окончательную, каноническую форму лишь достаточно поздно, в VI в. до н.э., когда усилиями Солона, а затем Писистрата их текст был зафиксирован. См. к вопросу: Cook E.F. *The Odyssey in Athens: Myths of Cultural Origins*. Ithaca, 1995; Sauge A. «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000.

¹⁸ В целом о категориях времени и пространства у Геродота см. Payen P. *Comment résister à la conquête: temps, espace et récit chez Hérodote* // *Revue des études grecques*. 1995. 108. P. 308–338; Alonso-Núñez J. *Herodotus' Conception of Historical Space and the Beginnings of Universal History* // *Herodotus and his World*. Oxf., 2003. P. 145–152.

¹⁹ По вопросу об отношении Геродота к предшествующей традиции, к своим источникам в последние годы на Западе появилась обильная и весьма интересная литература. См., в частности: Fehling D. *Herodotus and his 'Sources': Citation, Invention and Narrative Art*. Leeds, 1989; Vandiver E. *Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History*. Frankfurt a. Main, 1991; Pritchett W.K. *The Liar School of Herodotus*. Amsterdam, 1993; Thomas R. *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambr., 2000; Bichler R. *Herodots Welt. Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte*. 2 Aufl. B., 2001.

²⁰ Ср. пронизательное сравнение оптимизма Геродота и пессимизма Фукидида, сделанное Дионисием Галикарнасским (*Epist. ad Pomp. 774–777 R*): «Я упомяну еще об одной черте содержания... – это отношение автора к описываемым событиям. У Геродота оно во всех случаях благожелательное, он радуется успехам и сочувствует при неудачах. У Фукидида же в его отношении к описываемому видна некоторая суровость и язвительность, а также злопамятность... Красота Геродота приносит радость, а красота Фукидида вселяет ужас».

²¹ Кузнецова, Миллер. Ук. соч. С. 6 слл.; Артог Ф. Первые историки Греции: историчность и история // ВДИ. 1999. № 1. С. 178 слл.

²² Это значение справедливо подчеркнуто в работе: Шичалин Ю.А. 'Επιστροφί, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994. С. 37 слл.

первыми поколениями греческих прозаиков по-разному. Но, во всяком случае, вполне естественно, что выработанные в поэзии каноны, в том числе композиционные, еще достаточно долго оказывали влияние на многих авторов, писавших прозой. Геродот – в числе таких авторов; он уже не поэт, а прозаик, но, если можно так выразиться, «эпический прозаик».

Формирование прозы в греческом мире шло бок о бок с другим важнейшим культурным процессом – формированием ионийской науки. Это последнее разветвлялось в двух основных плоскостях: с одной стороны, как появление и развитие натурфилософии, имевшей дело с миром природных явлений, с другой – как появление и развитие истории²³, имевшей дело с миром человеческого общества. Первые историки (Гекатей и остальные логографы) были младшими современниками первых натурфилософов (Анаксимандра, Анаксимена и др.²⁴) и во многом шли по их стопам. Характерный пример: Анаксимандр первым среди греков составил карту ойкумены, а Гекатей ее усовершенствовал.

Ранние философы и ранние историки в традиции никогда не смешиваются друг с другом. Не исключено, что они и сами сознавали взаимное различие сфер своих изысканий и не вторгались в проблематику друг друга. Тем не менее вполне очевидно, что рождение натурфилософии и рождение историографии – явления одного порядка, имевшие место в силу аналогичных причин реального и ментального характера²⁵.

Какое место в рассматриваемом здесь интеллектуальном движении занимал Геродот, который, несомненно, может считаться одним из ведущих представителей ионийской образованности (его «История» написана именно на ионийском диалекте, хотя сам автор и был по происхождению дорийцем²⁶)? Ответ на этот вопрос можно дать, проведя сравнение между основными принципами, которых придерживался Геродот, и теми, которыми руководствовались его непосредственные предшественники – логографы. Труды последних не сохранились; однако, по крайней мере, от крупнейшего из логографов – Гекатея Милетско-

²³ Есть мнение, что ионийский термин *ιστορίη* изначально означал именно науку. См. *он же*. История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2000. С. 109.

²⁴ Не вполне ясно, следует ли начинать этот ряд уже с Фалеса – фигуры, занимающей пограничное положение между «мудрецом» традиционного типа и натурфилософом. О месте Фалеса в истории древнегреческой философии и науки см. интересную статью: Панченко Д.В. Фалес: рождение философии и науки // Некоторые проблемы истории античной науки. Л., 1989. С. 16–36.

²⁵ Ср. Суриков И.Е. История как «пророчество о прошлом» (формирование древнегреческих представлений о труде историка) // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. М., 2004. С. 193 сл.; *он же*. Парадоксы исторической памяти в античной Греции // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени. М., 2006. С. 61 слл.

²⁶ Этот парадокс сам по себе порождал различные интерпретации. Предлагалось два основных решения проблемы. С одной стороны, высказывалась мысль, что Геродот, родным диалектом которого был дорийский, «рано приобщился к передовой ионийской культуре» (Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 104) и писал свой исторический труд по-ионийски, потому что такова была сложившаяся к его времени традиция, установленная логографами. С другой стороны, есть и мнение, согласно которому Галикарнасс ко времени Геродота стал уже фактически ионийским городом (Cook J.M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962. P. 30); соответственно, родным для «отца истории» являлся именно ионийский диалект. Однозначный выбор между этими двумя альтернативными объяснениями вряд ли представляется возможным.

го – дошло достаточно большое количество фрагментов, в том числе теоретико-методологического содержания, которые помогают составить представление о его базовых установках.

Уже самый беглый анализ показывает значительное различие, даже контраст между Гекатеем и Геродотом в целом ряде отношений²⁷. И в то же время, как ни парадоксально, принципы Гекатея оказываются ближе принципам Фукидида. Проиллюстрируем этот тезис, сопоставив суждения трех великих историков, касающиеся отношения к данным предшествующей традиции:

Гекатей (FGrHist. 1. F 1): «Так говорит Гекатей Милетский: я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинов многообразны и смешны, как мне кажется».

Геродот (VII. 152): «Мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан».

Фукидид (I. 22. 2): «Я не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого».

Как видим, подходы Гекатея и Фукидида достаточно схожи; можно сказать, что позиция второго из них выглядит прямым продолжением и развитием позиции первого: тот же критицизм по отношению к источникам, то же стремление опереться прежде всего на собственный разум и собственное понимание истины. Это как бы два звена в одной цепи становления античной исторической науки. А вот Геродот из этой цепи явным образом выпадает. Его принцип – преподносить своей аудитории всю ту информацию, которая есть в его распоряжении (λέγειν τὰ λεγόμενα), – по сути своей эпичен. Это, кстати, приводит к возникновению «диалогичной» установки в историописании: автор признает право на существование не только за своей точкой зрения, но и за иными²⁸.

Итак, Геродот – в определенной степени «анахронизм», писатель, идущий наперекор преобладавшей в его эпоху тенденции, стремящийся сделать из исторического повествования своеобразный «эпос в прозе»? Это может прозвучать категорично и даже парадоксально, но для подобной оценки его творчества есть основания²⁹. Возьмем другой аспект – отношение к религии и мифам. Если Ге-

²⁷ Это было замечено уже давно. См., например: *Wipprecht F. Zur Entwicklung der rationalistischen Mythendeutung bei den Griechen*. Tübingen, 1902. S. 45 f. Нам также неоднократно приходилось писать в различных контекстах о различиях между Гекатеем и Геродотом: *Суриков И.Е. Лунный лик Клио: элементы иррационального в концепциях первых античных историков // Μνῆμα. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина*. Казань, 2002. С. 403 слл.; *он же. Эволюция религиозного сознания... С. 251–253; он же. Первосвященник Клио (О Геродоте и его труде) // Геродот. История*. М., 2004. С. 10; *он же. Парадоксы исторической памяти... С. 79 слл.*

²⁸ Впоследствии аналогичную установку обнаруживаем мы, например, у Плутарха (см. *Суриков И.Е. «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. № 3. С. 151–161*), хотя субъективно Плутарх чрезвычайно симпатизировал Фукидиду и неприязненно относился к Геродоту.

²⁹ Кстати, не это ли снискало Геродоту дружбу Софокла, который тоже, как мы писали в другом месте, «твердо противостоял волне новых течений» (*Суриков. Эволюция религиозного сознания... С. 242*), был наиболее «эпическим» из великих греческих драматургов (там же, с. 122 сл.)? У Фукидида наблюдается гораздо больше параллелей с Еврипидом (*Hart. Op. cit. P. 44*).

катей дает яркие примеры критики традиционных верований (FGrHist. 1. F 19, F 27), если Фукидид практически вообще игнорировал религиозную сторону бытия общества³⁰, то находящийся между ними Геродот, напротив, уделяет этой стороне весьма значительное место³¹. Он, по словам П. Функе, «отражает сакральный ландшафт, который существовал в качестве ментальной карты³² в сознании греков и направлял их мысли и действия».

Здесь мы выходим на чрезвычайно значимую проблему. На фоне как логографов, так и Фукидида «История» Геродота выделяется большей шириной охвата материала. Сказанное справедливо в нескольких различных смыслах. Мы уже упоминали об отступлениях, которыми изобилует геродотовский труд: они, возможно, несколько затрудняют читателю задачу последовательного отслеживания основного сюжета – Греко-персидских войн, вносят определенный элемент хаотичности в изложение, но зато создают настоящее «эпическое раздолье». Это, кстати, важно и для нас, исследователей греческой античности. Если бы Геродот писал в манере Фукидида и рассказывал только о военном столкновении между греками и персами, никуда не уклоняясь, какой массы ценнейшей информации мы лишились бы! Что мы знали бы, например, об архаической истории Афин, если бы не геродотовские экскурсы о Писистрате, Гиппии, Клисфене³³?

Еще большее значение имеет тематическая широта. Для Геродота вполне законными предметами исторического исследования еще являются темы, связанные с этнографией, географией, культурой, менталитетом и т.п. Это придает целостность, многосторонность картине социума и цивилизации. Уже начиная с Фукидида ситуация резко изменяется. Именно этот последний, как справедливо отмечалось³⁴, определил ключевую проблематику всей последующей историографии, не только античной, но и европейской вплоть до XX века. Военная, политическая, дипломатическая история, одним словом, событийная история – вот что прежде всего интересовало Фукидида и тех, кто шел по его стопам (а таких всегда было подавляющее большинство)³⁵. Остальные аспекты жизни общества, как правило, оставались «за бортом» исторической науки, что означало, без сомнения, сужение ее предметного поля.

Тем самым Геродот неожиданно оказался гораздо ближе историкам современной нам эпохи. Те самые «структуры повседневности», которые занимали столь важное место в труде «отца истории», а начиная с Фукидида совершенно игнорировались, в результате разработок прежде всего представителей школы

³⁰ *Hart. Op. cit.* P. 179.

³¹ См. по этой проблематике: *Lachenaud G.* Mythologies, religion et philosophie de l'histoire dans Hérodote. Lille, 1978; *Shimron B.* Politics and Belief in Herodotus. Stuttgart, 1989; *Mikalson J.D.* Religion in Herodotus // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 187–198; *Funke P.* Herodotus and the Major Sanctuaries of the Greek World // *The World of Herodotus.* Nicosia, 2004. P. 159–167.

³² О популярном в современной западной историографии понятии «ментальная карта» см. *Подосинов А.В.* Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // *Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе.* М., 2006. С. 153–159.

³³ Другие важнейшие источники об Афинах VI в. до н.э. («Афинская полития» Аристотеля, Плутарх) в очень значительной, местами просто определяющей степени зависят от Геродота.

³⁴ *Hart. Op.cit.* P. 179.

³⁵ *Momigliano A.* Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977. P. 142.

«Анналов» вновь нашли себе полноправное и даже приоритетное место в кругу интересов исторической науки³⁶. Нередко можно услышать лозунг «Назад, к Геродоту!» (или в другой, более парадоксальной формулировке – «Вперед, к Геродоту!»). «Эпический прозаик»³⁷, шедший «не в ногу» со своим временем, тысячелетия спустя оказался созвучен времени нашему. И в этом есть своя закономерность: в конце концов Геродот, первым изобразивший исторический процесс в форме векового конфликта Запада и Востока, внес ключевой вклад в формирование идентичности европейской цивилизации³⁸.

THE «INOPPORTUNE» HERODOTUS
(*An Epic Prosaist between Logographers and Thucydides*)

I. Ye. Surikov

Several years ago M.L. Gasparov demonstrated convincingly that Herodotus' «History» as a whole was composed according to the principle of pedimental symmetry. The work was not completed by the author: in its final version it would have included the Greco-Persian wars up to their end in 449 B.C. The presence of the general compositional principle proves that Herodotus had a clear project of his work from the very beginning. He started his «History» exactly as a history of wars between Greeks and Persians and did not compile its various *logoi* mechanically. In any case, the great book by Herodotus is an open text structure. It has some features, which make it comparable with the epics, notwithstanding the fact that Herodotus wrote in prose. His place in the Greek intellectual revolution is in some respects «inopportune». While standing chronologically between logographers (Hecataeus and others) and Thucydides, he differs from both in his attitude towards the previous traditions, in his treating religion and myths and in his thematic breadth. For Herodotus, the «structures of daily occurrence» are a full-right subject of historical research. Since Thucydides, history turns entirely to political, military and diplomatic topics. Ironically, the «epical» Herodotus proves to be closer to the positions of twentieth-century historians.

---

³⁶ Эта проблематика стала на долгое время преобладающей, что в самые последние годы начинает даже порождать обратную реакцию, возрождение внимания к политической, событийной истории (см. *Бессмертный Ю.Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории) // *Одиссей*. 1995. С. 5 сл.). Однако в любом случае изучение «структур повседневности» заняло прочное место в исторической науке и этого места уже не утратит.

³⁷ Характерно, что М.Л. Гаспаров включил статью о Геродоте в том своих избранных трудов, посвященный поэтам. Геродот – единственный прозаический автор, представленный в этом томе. Очевидно, своим безошибочным исследовательским чутьем М.Л. Гаспаров уловил близость «отца истории» именно к кругу поэтов.

³⁸ Ср. *Lister*. Op. cit. P. 1; *Маринович Л.П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // *Античная цивилизация и варвары*. М., 2006. С. 19. Этот тезис иногда встречает и возражения, например: *Murray O.* *History // Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge*. L., 2000. P. 333. Данный сюжет, на котором мы здесь не имеем возможности остановиться подробно, получил детальное освещение в ряде важных работ о Геродоте: *Hartog F.* *Le miroir d'Hérodote: Essai sur la représentation de l'autre*. P., 1980; *Bichler*. Op. cit.